КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го января № 2. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

СЛОВО

КЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ КІЕВСКАГО ИНСТИТУТА 10-го ВЫПУСКА, ВЪ ДЕНЬ ИХЪ ВЫПУСКА, 12-го ДЕКАБРЯ 1862 г. (*)

Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, да будутъ совершени во едино, да любы, ею же ихъ возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Ты въ нихъ!

Іоанн. 17: 23, 25.

Какъ ни длилось долго время вашего образованія, но, наконецъ, окончилось и оно,—пришла и для васъ пора сказать: „прости институтъ, а съ тобою и—золотое дѣтство! простите наши руководительницы, наши наставники!"—И мы, не безъ горести въ сердцѣ, должны отвѣ-

(*) Сказанное въ институтской церкви законоучителемъ, священникомъ Николаемъ Оглоблинымъ.

чать и отвѣчаемъ вамъ: „прощайте, наши незабвенныя „дѣти! прощайте надолго,—быть можетъ—навсегда!“

Не для однихъ насъ и не для однѣхъ васъ горько слышать и повторять: „прости, прощайте!“ это прискорбно для каждаго, испытывающаго разлуку съ близкими къ нему, потому что разлука сама въ себѣ, безъ всякихъ съ нею неразлучныхъ опасеній, тревожныхъ предположеній, заключаетъ столько причинъ горести, что душа наша невольно подчиняется непріятному вліянію ихъ.

Разлука со всѣмъ дорогимъ сердцу есть печальное продолженіе того бѣдственнаго разъединенія человѣка съ міромъ райскимъ, божественнымъ, которое, начавшись съ нашихъ прародителей, повторяется у всѣхъ насъ, и чрезъ которое мы, разобщаясь съ свѣтоносною средою міра блаженнаго—божественнаго, сами себя заключаемъ въ слишкомъ тѣсную и оттого для духа нашего всегда стѣснительную и тягостную область земнаго. Чрезъ разлуку ограничивается, а не рѣдко и вовсе разстроивается кругъ нашихъ привычныхъ дѣйствій и общежительныхъ отношеній. Больше же всего разлука тяготитъ насъ своею, такъ сказать, неумолимостію, съ какою она пресѣкаетъ нить образовавшихся въ насъ извѣстныхъ понятій, убѣжденій, и заставляетъ душу нашу отрекаться часто отъ самыхъ завѣтныхъ думъ, стремленій,—иногда даже покидать надежду самую отрадную, и, пожалуй, оставаться вовсе безъ свѣтлой надежды......вотъ что особенно потрясаетъ душу нашу при разлукѣ, и—наша душа невольно скорбитъ, томится и плачетъ......

Но не слишкомъ ли мы большое значеніе придаемъ вліянію разлуки? не слишкомъ ли т. е. уступаемъ этому вліянію, обращая при этомъ все вниманіе лишь на однѣ внѣшнія вещественныя условія нашего быта и почти вовсе забывая дивныя силы, свойства, проявленія духовной стороны нашего существа,—стороны преимущественно раскрывающейся у насъ, при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ земнаго быта, особенно если эта сторона правильно

развита и надлежащимъ образомъ освѣтляется чистыми, святыми внушеніями вѣры и надежды христіанской.?

Представьте себѣ двухъ человѣкъ, одинаково развитыхъ, съ одинаковымъ образомъ мыслей и взглядомъ на вещи; дайте имъ одну и ту же задачу—жизни ли, науки ли, или высшихъ цѣлей нашего бытія, задачу для обѣихъ равно важную, высокую, и, послѣ этого, раздѣлите ихъ какимъ угодно пространствомъ и временемъ: какъ вы полагаете, будутъ ли онѣ одинаково мыслить, дѣйствовать, выполнять задачу свою,—одинаково на столько, на сколько допускаетъ самостоятельность каждой разумной личности?—Очевидно, что будутъ,—въ этомъ не рѣшатся отказать имъ даже самые недовѣрчивые къ поразительнымъ свойствамъ и проявленіямъ нашей духовной природы.—Но эта чудесная природа, подъ управленіемъ животворныхъ началъ нашей Божественной религіи, можетъ проявлять несравненно высшее торжество надъ пространствомъ и временемъ. Вообразите, что двѣ нами представленныя личности, сверхъ указанныхъ общихъ средствъ къ выполненію общей задачи своей, воодушевляются однѣми и тѣми же обѣтованіями вѣры и надежды христіанской, направляются однимъ общимъ верховнымъ закономъ любви Христовой, въ сокровенной глубинѣ существа своего проникаются всеобнимающимъ потокомъ всеисполняющей благодати Божіей,—вообразите все это и сознайтесь, что такимъ личностямъ нечего бояться какихъ бы то ни было стѣснительныхъ условій пространства или времени: у нихъ, на какомъ угодно пространственномъ разстояніи, въ какой хотите продолжительный періодъ времени, не только не нарушится единство основаній, цѣлей дѣйствія, способа дѣйствованія,—не только сохранятся неизмѣнными общая задача, коренной взглядъ на вещи, а и не прервется нить образовавшихся въ нихъ извѣстнаго рода понятій, вѣрованій, надеждъ,—не прекратится взаимная мѣна сокровенныхъ думъ, помышленій, предощущеній,—не расторгнется духовный союзъ, духовная связь жизненная, а напротивъ еще плотнѣе сложится, прочнѣе

скрѣпится, когда душа меньше будетъ подчинена внѣшнимъ, для нея, по большой части, стѣснительнымъ условіямъ земнаго быта, и больше начнетъ проявлять отрѣшенности, независимости отъ связи съ внѣшнимъ, случайнымъ, вещественнымъ. И вотъ въ такомъ то именно состояніи души собственно и возможно полное проявленіе всѣхъ сокровенныхъ силъ и сторонъ ея бытія, стройное, правильное развитіе ихъ высшей дѣятельности, образованіе сродной имъ среды, такого круга дѣйствій, въ которомъ не будетъ болѣе подавляться, а напротивъ можетъ со всею силою у человѣка раскрываться сознаніе истинной свободы духа, и въ который когда Божественною благодатію привносятся высшія живоносныя силы, проливается неземной Божественный свѣтъ, тогда открывается въ человѣкѣ полное торжество духа надъ веществомъ, вѣчнаго надъ преходящимъ, непреложнаго надъ измѣняющимся,—начинается новый высшій порядокъ жизни и дѣятельности, какъ предначатіе того неземнаго—небеснаго порядка, который не измѣнится уже во всю вѣчность и чрезъ который одинъ можетъ человѣку открываться доступъ въ міръ блаженный—Божественный.

Видите ли, какъ развитая правильно и нашею св. вѣрою и надеждою укрѣпляемая душа человѣческая способна не только уменьшать невыгоды нашихъ теперешнихъ разъединеній, разлукъ, а и тѣмъ высшую, совершеннѣйшую проявлять дѣятельность, чѣмъ больше она отрѣшена бываетъ отъ условій обычнаго для насъ, по большой части столько и пріятнаго, нашего теперешняго быта?—Благодаря Господа Бога и добрыхъ людей, вы, чрезъ воспитаніе, довольно получили задатковъ какъ на высшую, совершеннѣйшую дѣятельность, такъ и вообще на приведеніе души своей въ положеніе, возможно независимое отъ всего, что только можетъ неблагопріятствовать этой высшей дѣятельности и вообще стѣснять благороднѣйшія, чистѣйшія стремленія и проявленія души.

Вы здѣсь—въ институтѣ сроднились съ наукою, надѣлившею васъ драгоцѣннѣйшими сокровищами на землѣ—

сокровищами знанія: ужели жъ, разлучаясь съ Институтомъ, вы забудете это свое высокое родство, перестанете дорожить познаніями, не станете распространять ихъ въ себѣ и вокругъ себя,—не станете тогда, когда этихъ познаній будутъ требовать отъ васъ ваши маленькія сестры, братья, особенно ваши меньшіе о Христѣ братія,—требовать, какъ насущнаго хлѣба своего, и не станете въ такую пору, когда на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего великаго отечества, такъ сказать, все заговорило объ ученіи и какъ бы всѣ готовы устремиться на путь истины, познанія, науки?—Нѣтъ, зароненныя въ васъ сѣмена знанія разростутся въ прекрасныя цвѣтистыя растенія, которыя тѣмъ большую будутъ вокругъ себя распространять животворную тѣнь, чѣмъ на большее разстояніе вы разсѣетесь одна отъ другой.

У многихъ жизнь такъ развивается, что, повидимому, не бываетъ достаточныхъ средствъ къ развитію высокаго чувства любви къ отечеству; однако и у такихъ людей это чувство, какъ врожденное и самое дорогое, является столько развитымъ, до того могущественнымъ, что господствуетъ надъ всѣми другими чувствами и благотворно возвышаетъ, облагороживаетъ ихъ.—У васъ, при вашемъ воспитаніи, кажется, все способствовало къ полному развитію и сознательному усвоенію вами этого возвышеннаго, благороднаго чувства: способствовали и предоставленныя вамъ отечествомъ средства къ полученному вами высшему образованію, и материнскія о васъ заботы, попеченія Августѣйшей вашей покровительницы, Государыни Императрицы нашей, Маріи Александровны, и самыя судьбы церкви, отечества, всего человѣческаго семейства, наукою вамъ представленныя, все способствовало, и мы въ правѣ ожидать, въ правѣ и предъ другими свидѣтельствовать, что любовь къ отечеству у васъ крѣпка, сильна, что вы одна въ другой и во всѣхъ окружающихъ васъ видите дорогихъ членовъ одного нераздѣльнаго великаго семейства Русскаго, и для счастья, неразрывной цѣлости этого драгоцѣннаго семейства, готовы все, съ своей сто-

роны, принести, всѣмъ пожертвовать. Вотъ какія чувства, убѣжденія хотимъ мы видѣть и видимъ въ васъ: ужели жъ, съ перемѣною мѣста, измѣнятся какъ нибудь у васъ эти возвышенныя, благороднѣйшія чувства? ужелижъ когда нибудь и гдѣ нибудь, разставшись съ нашею институтскою семьею, вы оставите эти великія, для всѣхъ священныя убѣжденія? ужели оставите?—Позвольте мнѣ за васъ и отъ васъ торжественно возвѣстить: „нѣтъ, нѣтъ, и никогда!“

Вспомните, какъ радостно, бывало, вы стремитесь въ этотъ незабвенный для васъ храмъ, когда онъ отворялся для васъ и по вашему желанію; я самъ свидѣтель вашего искренняго дѣтскаго усердія, съ какимъ вы внимали святымъ истинамъ спасительной вѣры нашей; несомнѣнно вѣрили и вѣримъ мы, что святой законъ Христовъ начертанъ въ сердцахъ вашихъ, что свѣтлая надежда христіанская—ваше драгоцѣнное утѣшеніе, твердѣйшая опора: или и за эти, наши и ваши, священнѣйшія вѣрованія опасаться намъ, при настоящей разлукѣ съ вами? или и ваша живая вѣра, ваша чистая, свѣтлая надежда утратятъ свою животворную свѣтоносность, уступятъ когда нибудь бурному напору житейскихъ тревогъ и волненій?!—О, памятованіемъ суда Божія, на который мы соберемся нѣкогда вмѣстѣ, какъ вотъ теперь собрались здѣсь, во храмѣ Господнемъ,—этимъ грознымъ памятованіемъ о страшномъ днѣ судномъ умоляю васъ пребыть вѣрными православной церкви Христовой и соблюсти ненарушимо св. вѣру и надежду!

Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, да приведены *будутъ во едино* спасительное царство Твое,—*да любы, ею же* ихъ *возлюбилъ, въ нихъ будетъ и* Ты *въ нихъ!* Аминь.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СЛУЖБЫ ВЪ САНѢ ДІАКОНА.

Въ газетахъ весьма нерѣдкость встрѣтить итвѣстіе о праздникѣ по случаю двадцати и пятидесяти-лѣтія службы должностнаго лица; еще чаще извѣстія о наградахъ въ ознаменованіе признательности начальства за службу въ такъ продолжительный періодъ времени. Но едва ли въ какомъ вѣдомствѣ нашлось бы большее число юбиляровъ, какъ въ духовномъ, если бы заявленіе объ этомъ привлекало и на нихъ какія либо особенныя милости. Сказанное нами однакожъ можетъ относиться болѣе къ священникамъ, чѣмъ къ діаконамъ, которыхъ санъ до послѣдняго времени часто былъ только переходнымъ къ высшей степени—священству. И въ недавнее время священнослужители Кіева имѣли возможность привѣтствовать съ окончаніемъ пятидесятилѣтія священства двухъ достопочтенныхъ протоіереевъ о. Петра Максимовича (уже умершаго) и о. Іоакима Игнатовича, пожалованныхъ по этому случаю орденомъ св. Владиміра 3-й степени. О пятидесяти-лѣтней выслугѣ въ санѣ діакона намъ не приходилось слышать. Тѣмъ пріятнѣе было для насъ узнать, что въ концѣ минувшаго года можетъ праздновать 50-лѣтіе службы въ одномъ и томъ же діаконскомъ санѣ, и при одной и той же церкви скуднаго Кіево-подольскаго Воскресенскаго прихода, всѣми уважаемый за свою примѣрно-честную и кроткую жизнь діаконъ о. Михаилъ Чулаевскій, 77 лѣтній старецъ. Принявъ рукоположеніе въ этотъ санъ въ 1812 году 25 декабря, отъ преосвященнаго митрополита кіевскаго Серапіона, къ сей Воскресенской церкви, стоявшей еще пустынно на пепелищѣ выгорѣвшаго въ 1811 году Кіево-

подола, онъ 40 лѣтъ, безъ всякаго опущенія, пѣшешествовалъ изъ Стараго Кіева, гдѣ имѣлъ собственный домичекъ, на Подолъ къ Богослуженію въ свою приходскую церковь съ такою точностію, что торговцы гостиннаго двора и толкучаго рынка появленіемъ его на площади опредѣляли часы утренняго и вечерняго времени. Трезвенность, честность, кротость, обходительность и благоговѣйное служеніе о. діакона Михаила всегда могли служить образцемъ его собратіи по сану, и пріобрѣли ему всеобщую любовь и уваженіе не только своихъ прихожанъ, но и многихъ иноприходныхъ лицъ. Но какъ за діаконскую службу не полагается никакихъ наградъ или отличій, то и о. діаконъ Чулаевскій не получалъ ихъ въ теченіе всей 50-лѣтней своей службы, довольствуясь подаяніемъ прихожанъ, а въ послѣднее время, по введеніи штатовъ, состоя на причетническомъ 60-ти рублевомъ окладѣ. И при всей скудности содержанія, онъ никогда не дѣлалъ попытокъ искать болѣе доходнаго мѣста или высшаго сана, даже и въ то время, когда переходъ отъ діаконства къ священству былъ весьма нетруденъ. Примѣръ такого рода службы выходитъ изъ ряда обыкновенной служебной дѣятельности; и потому весьма естественно было, что слухъ о приближеніи 50-лѣтія его діаконства встрѣченъ прихожанами съ особеннымъ сочувствіемъ. Но при этомъ случаѣ еще болѣе высказалась скромность почтеннаго о. діакона. Когда почетнѣйшіе изъ прихожанъ пожелали узнать, чѣмъ бы они могли ознаменовать приближающійся срокъ 50-лѣтней его службы, то онъ въ истинной простотѣ сердца отвѣтилъ: „Чѣмъ же начальству утѣшить меня? развѣ милость будетъ дать мнѣ что нибудь на погребеніе.“ Эта непритворная скромность желаній старца тронула ихъ до слезъ и послужила новымъ побужденіемъ показать свое усердіе къ нему. Сдѣлавши въ приходѣ общую подписку въ пользу маститаго діакона своей церкви, они чрезъ посредство мѣстнаго благочиннаго обратились къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Кіевскому Арсенію съ прошеніемъ объ исходатайство-

ванiи ему соотвѣтствующей, по усмотрѣнiю начальства, награды за 50 лѣтъ службы на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одномъ и томъ же санѣ, при примѣрномъ исполненiи своихъ обязанностей и неукоризненномъ жизнеповеденiи. При этомъ они просили принять во уваженiе, что во всѣхъ вѣдомствахъ начальство обращаетъ вниманiе на лицъ, выслуживших въ общественныхъ должностяхъ извѣстные сроки лѣтъ, особенно 25 и 50-лѣтнiе и ознаменовываетъ эти частныя эпохи служебной дѣятельности соотвѣтсгвующими понесенпымъ ими для общей пользы трудамъ наградами, независимо отъ получаемыхъ, по закону, таковыми лицами пенсiй, обезпечивающими сихъ тружениковъ въ преклонности лѣтъ и даже остающiяся послѣ нихъ семейства. Его высокопреосвященство, благосклонно принявъ таковое совмѣстное ходатайство прихожанъ и благочиннаго кiевоподольскихъ церквей, приказалъ консисторiи, по забратiи справокъ, дать этому ходатайству дальнѣйшiй ходъ.

Въ первый день праздника Рождества Христова—25 декабря, о. дiаконъ Михаилъ Чулаевскiй удостоился принимать благословенiе преосвященнѣйшаго Серафима, епископа чигиринскаго, по изъявленному предварительно его преосвященствомъ желанiю, и въ знакъ сего благословенiя получить икону св. архистратига Михаила и просфору, Когда при этомъ преосвященный объявилъ бывшимъ у него высшимъ сановникамъ, что благословляемый имъ дiаконъ—старецъ выслужилъ 50 лѣтъ въ одномъ и томъ же чинѣ и на одномъ и томъ же мѣстѣ, то одинъ изъ старшихъ генераловъ при этомъ не могъ удержать своего удивленiя, сказавши: „и камень не улежитъ столько времени на одномъ мѣстѣ.“—Въ 3-й день праздника Р. Хр., въ который церковь совершаетъ память архидiакона Стефана, по окончанiи литургiи, въ собранiи всѣхъ почти прихожанъ, въ Кiевоподольской Воскресенской церкви мѣстнымъ благочиннымъ было совершено благодарственное Господу Богу молебствiе за здравiе и долгоденствiе дiакона Михаила, а потомъ прихожане, старѣйшiе дiаконы,

настоятель церкви и благочинный поздравили отца діакона съ окончаніемъ 50-лѣтія его службы. Чувства прихожанъ были выражены г. статскимъ совѣтникомъ Д. А. Подгурскимъ въ слѣдующей краткой рѣчи.

Именитые прихожане Кіево-Подольской Воскресенской церкви, и ты присный священно-служителю ея, отче Михаиле!

Нынѣ исполнилось 50 лѣтъ служенія отцу діакону нашему, тебѣ, старче Божій Михаиле, въ одномъ и томъ же санѣ діаконства, на одномъ и томъ же мѣстѣ, при одной и той же церкви нашей. Незабвенный для отечества нашего 1812 годъ былъ началомъ его служенія, въ тотъ самый великій день праздника Рождества Христова, въ который память осемъ годѣ каждогодно воспоминается у насъ на торжественномъ молебнѣ послѣ Божественной Литургіи; а въ настоящемъ 1862 году, тоже незабвенномъ для нашего отечества, которое достигло въ семъ году тысячелѣтія своего государственнаго существованія, совершилось пятьдесятъ лѣтъ его служенію. Между этими двумя знаменательными годами 1812 и 1862 и заключаются эти 50 лѣтъ во всемъ продолженіи своемъ постояннаго, безъ всякихъ промежутковъ непрерывнаго, ни въ чемъ неизмѣннаго служенія нашей Кіево-Подольской Воскресенской церкви сего маститаго старца, котораго мы видимъ и теперь предъ собою и на котораго привыкли мы взирать съ любовію, уваженіемъ и даже благоговѣніемъ.

О, какъ бы тебѣ, старче Божій, пріятно было, какъ бы сладостно и умилительно было для тебя взглянуть теперь на тѣхъ изъ своихъ прихожанъ, которые были свидѣтелями первыхъ годовъ твоего служенія; какъ бы это было и для нихъ самихъ вожделѣнно! Но кому изъ нихъ судилась эта завидная доля? палъ ли на кого изъ нихъ этотъ рѣдкій жребій? Св. исторія повѣствуетъ намъ, что когда народъ Божій вышелъ изъ Египта и когда послѣ сорока-лѣтняго странствованія въ пустынѣ сдѣлана была, предъ входомъ его въ землю обѣтованную, народная перепись; то изъ вышедшихъ, (далеко не въ такой численности, какъ

нашъ приходъ, а несравненно въ болѣе превышающей нашу численность) оказались въ живыхъ только два мужа: Іисусъ Навинъ—преемникъ Мойсея и Халевъ. Что, если бы и у насъ—въ этомъ немногочисленномъ приходѣ нашемъ сдѣлать нынѣ подобную перепись за пятьдесятъ протекшихъ лѣтъ? много ли, думаете, нашлось бы и у насъ Навиновъ и Халевовъ? Перечислите же мысленно настоящихъ членовъ нашей церкви—этого не большаго, даже малаго стада Христова, и вы увидите, что едва ли обрѣтемъ у себя на этотъ разъ и двухъ человѣкъ, на которыхъ мы могли бы указать. Правда, могли бы мы указать на одного—двухъ, не болѣе того, изъ среды насъ, коренныхъ старожилыхъ прихожанъ (вы сами, думаю, угадываете ихъ); могли бы указать на самаго многоуважаемаго нами священно-служителя и настоятеля нашей церкви, тоже убѣленнаго уже сѣдинами и мало — чѣмъ позже вступившаго на поприще служенія церкви Божіей: но и сіи мужи могутъ только свидѣтельствовать предъ нами, что и они въ то время, за 50 лѣтъ предъ симъ, были еще юношами, въ состояніи воспитанія, а не самостоятельными членами общества.

И такъ на насъ—настоящихъ прихожанъ церкви нашей, какъ потомковъ нашихъ предковъ по приходу, палъ жребій благодарить тебя, достоуважаемый всѣми нами служителю Божій, за твое пятидесятилѣтнее служеніе церкви нашей, а въ лицѣ ея и предкамъ нашимъ и намъ самимъ—ихъ потомкамъ,—служеніе, необинуясь скажемъ, безпримѣрное по своей безпримѣрной обстановкѣ. Надѣемся, что ходатайство наше предъ епархіальнымъ начальствомъ за таковое служеніе твое не останется безплоднымъ. Сослужители твои по сану діаконства имѣютъ выразить свое къ тебѣ увжаніе, принося въ даръ соотвѣтственный твоему сану знакъ почести. Пріими же и отъ насъ, какъ прихожанъ твоихъ, въ знакъ глубочайшей къ тебѣ нашей признательности, собранныя нами лепты, хотя и скудныя по количеству, но богатыя по качеству; ибо онѣ снесены тебѣ всѣми нами безъ исключенія, и притомъ отъ всесовершенной преданности къ тебѣ и самой искренней любви къ

тебѣ,—пріими ихъ отъ насъ въ даръ, достойно заслуженный тобою, въ день 50-ти-лѣтняго юбилея твоего.

При окончаніи рѣчи, г. старостою церкви, купцемъ Павломъ Е. Лавровымъ былъ поднесенъ на блюдѣ юбилярю-діакону запечатанный пакетъ съ 155 руб. 25 коп. серебромъ отъ прихожанъ, какъ знакъ ихъ усердія къ нему. Тронутый до слезъ почтенный старецъ отвѣчалъ прихожанамъ нѣсколькими весьма простыми, но трогательными слѣдующими словами:

„*И откуду мнѣ сіе*, недостойному въ очахъ моихъ, удостоиваемому вами таковаго вниманія, такихъ милостей, таковаго благорасположенія ко мнѣ, какихъ я, можетъ быть, и не заслуживаю? Не нахожу словъ (не говорю уже о дѣлахъ) возблагодарить васъ за таковую вашу любовь. Пріимите развѣ отъ меня, вмѣсто благодарности, увѣреніе въ томъ, что какъ служилъ я доселѣ въ этомъ храмѣ Господнемъ церкви Божіей, а въ лицѣ ея и вамъ, въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, такъ обѣщаюсь послужить, при помощи Божіей и вашей, здѣсь же Богу и вамъ до послѣдняго издыханія моего, по словамъ и дѣламъ псалмопѣвца: *пою Богу моему, дондеже есмь* (Псал. 145, 2.)".

Не менѣе тронутъ былъ потомъ старецъ и особеннымъ знакомъ уваженія отъ своихъ собратій по діаконскому сану, при участіи нѣкоторыхъ іереевъ поднесшихъ ему вышитый золотомъ по зеленому бархату орарь, на одномъ концѣ котораго означенъ 1812, а на другомъ 1862 г. При поднесеніи ораря, діаконъ кіево-софійскаго каѳедральнаго собора Симеонъ Крыжановскій обратился къ юбиляру съ слѣдующею рѣчью:

„Почтенный и всякаго почтенія достойный сослужитель нашъ о Господѣ!

Тебѣ приносятъ нынѣ дань уваженія и любви твои ближайшіе начальники, прихожане церкви, въ которой такъ долго ты служилъ и сослужители твои по сану и мѣсту служенія.

Чѣмъ же привлекъ ты общее вниманіе къ окончанію пятидесятилѣтія твоей службы?

Не великъ нашъ чинъ, незнатна наша служба. Во храмѣ мы только сослужители въ совершеніи таинствъ, но не строители ихъ; мы служимъ при совершеніи требъ, но не совершаемъ ихъ.

Но въ томъ и особенная честь долголѣтней жизни и службы твоей, что и въ такомъ скромномъ положеніи ты успѣлъ привлечь къ себѣ чувства любви и глубочайшаго уваженія бѣдныхъ и богатыхъ, простыхъ и образованныхъ людей. Есть качества жизни и души, которыхъ несиленъ закрыть никакой порядокъ жизни, которыя равно сіяютъ и на самыхъ высокихъ должностяхъ и въ убогой долѣ простолюдина и равно влекутъ къ себѣ общее вниманіе, любовь и уваженіе. Такія именно качества приготовили и для тебя настоящее твое торжество, а ихъ слишкомъ довольно въ пятидесятилѣтней службѣ твоей.

Все время этой службы ты провелъ подъ гнетомъ бѣдности, и къ тебѣ не приразился ни разу ни одинъ изъ пороковъ, къ которымъ такъ сильно влечетъ бѣдность. Надо имѣть слишкомъ честную и твердую душу, чтобы устоять противъ искушеній бѣдности. Занявъ сразу недоходное мѣсто, ты и не искалъ никогда другаго лучшаго мѣста, вопреки существующему у насъ на этотъ разъ и отчасти натуральному обычаю. Не взирая на тяготу жизни, ты сразу покорился своей долѣ, а такая покорность— качество весьма рѣдкое и между людьми, гораздо лучше тебя живущими. Получивъ санъ діакона еще въ то время, когда переходъ отъ него къ высшему сану былъ такъ не труденъ и скоръ, ты не искалъ однакожъ высшаго сана, и тѣмъ снова обнаружилъ рѣдкое даже между людьми качество—довольство своимъ состояніемъ. Будучи по самому сану своему только подчиненнымъ, ты всегда оказывалъ безпрекословное повиновеніе поставленнымъ надъ тобою и старшимъ тебя, даже и въ то время, когда почтенною старостію твоею сталъ далеко старше другихъ. Прослуживъ въ санѣ діакона 50 лѣтъ, при ежедневномъ

почти богослуженіи, ты не сдѣлалъ, кажется, во все время и такого опущенія по службѣ, какое дѣлаютъ люди, прослужившіе одинъ или два года. Не однимъ прихожанамъ Воскресенской церкви, но и многимъ изъ жителей г. Кіева памятно то время, когда ты, живя въ отдаленіи отъ церкви, въ нагорной части города, старческими ногами поспѣвалъ ежедневно въ церковь къ звону и раньше звона, а потомъ взбирался на длинную и крутую гору по два и три раза въ день. Твое благоговѣйное служеніе располагало всѣхъ къ молитвѣ; твоя степенность внушала каждому уваженіе къ духовному сану. Проживъ въ одномъ и томъ же приходѣ 50 лѣтъ, ты не сдѣлалъ ни кому ни какой непріятности, никакого огорченія. Кто скажетъ, или кто когда нибудь сказалъ о тебѣ худое слово? А доброе слово, доброе имя дороже всего на свѣтѣ. И ты заслужилъ это доброе имя какъ діаконъ, какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ отецъ семейства и какъ родственникъ, ибо, будучи самъ въ бѣдности, отказываешь себѣ въ послѣднемъ, чтобы помочь болѣе тебя бѣднымъ роднымъ твоимъ.

И такъ не богатство, не знатность, или другое что либо подобное, но доброе имя, честный и долгій трудъ, кротость и незлобіе души—вотъ что привлекло къ тебѣ общую любовь и уваженіе и послѣдній день пятидесятилѣтней службы твоей сдѣлало праздничнымъ, для тебя и для насъ, днемъ.

Почтенная, достолюбезная старость! сорадуются радости твоей твои ближайшіе начальники, сорадуются прихожане церкви, которой ты такъ долго служилъ, сорадуемся и мы сослужащіе тебѣ въ градѣ семъ. Да возрадуются и всѣ твои и наши сослужители—во всѣхъ концахъ Россіи! Въ твоемъ лицѣ возвышенъ скромный санъ діакона. Общее, столь рѣдкое вниманіе къ твоей службѣ ободритъ и каждаго изъ насъ и покажетъ, что истинное достоинство человѣка цѣнится и въ незнатномъ чинѣ, и что потому мы должны заботиться не о томъ, чтобы возвысить себя саномъ, но о томъ, чтобы собою, своею жизнію воз-

высить свой санъ въ мнѣніи людей. Твоя честь—наша слава, твое торжество—наша общая радость.

На память этого торжества,—твоего и нашего, пріими отъ сослужащихъ тебѣ въ градѣ семъ сію священную вещь—принадлежность твоего облаченія, на которой любовь и уваженіе къ тебѣ начертали начальный и конечный годы твоего 50-лѣтняго служенія. Возвышая въ храмѣ у Олтаря Господня этотъ видимый знакъ молитвы и призывая при посредствѣ его вѣрующихъ къ молитвѣ, вспоминай въ твоей молитвѣ и насъ, почтившихъ блаженный трудъ твой. А мы будемъ молить Господа, чтобы Онъ еще и еще продлилъ лѣта живота твоего и по скончаніи ихъ воздалъ тебѣ по правдѣ твоей и по чистотѣ руку твоею".

Почетнѣйшимъ прихожанамъ и юбиляру отъ усердія г. старосты П. Е. Лаврова былъ послѣ сего предложенъ обильный завтракъ, на который прглашены были также благочинный, настоятель церкви и діаконы.

„ВОПРОСЪ О ЕВРЕЯХЪ“

по отзывамъ журналовъ 1862 г.

Вопросъ о евреяхъ сдѣлался предметомъ споровъ въ свѣтской литературѣ изъ-за того, что „*Основа*“ назвала евреевъ жидами.

Вслѣдъ за протестомъ еврейскаго журнала „*Сіонъ*“ появились протесты противъ Основы въ другихъ журналахъ. Еще больше статей, и большихъ и маленьяихъ‘ появилось въ журналахъ вслѣдъ за новымъ государственнымъ постановленіемъ относительно гражданскихъ правъ евреевъ: во всѣхъ ихъ выражалась болѣзненная нѣжность къ новымъ русскимъ гражданамъ и вопросъ о евреяхъ рѣшался вездѣ самымъ либеральнымъ образомъ. Только „День“ и „Основа“ взглянули на еврейскій вопросъ не такъ, какъ другіе журналы, и на нашъ взглядъ судили о немъ основательнѣе. Вотъ, напримѣръ, что пишется въ передовой статьѣ „Дня“: Еврей, признавая истиннымъ ученіе Талмуда, не можетъ иначе дѣйствовать, какъ въ духѣ своего ученія, противоположнаго всѣмъ началамъ, которыя легли въ основу частнаго, общественнаго и государственнаго быта въ христіанской землѣ. Мы никогда не враждовали съ евреями. Мы признаемъ великія дарованія этого народа и искренно сожалѣемъ объ его заблужденіи... Но мы не можемъ желать для нихъ административныхъ и законодательныхъ правъ въ Россіи, въ странѣ, которая предноситъ предъ собою знамя христіанства, создалась и развивается на началахъ христіанской истины и, повторяемъ, не въ иномъ смыслѣ признаемъ возможнымъ будущее примѣненіе новаго закона о евреяхъ. Допустить евреевъ къ участію въ законодательствѣ или въ народномъ представительствѣ какъ въ Англіи (кромѣ дѣлъ ихъ непосредственно касающихся) мы считаемъ воз-

можнымъ только тогда, когда бы мы объявили, что отрекаемся и отказываемся отъ христіанскаго путеводящаго свѣта. Совмѣщеніе же съ одной стороны признанія за евреями такихъ правъ,—съ другой оффиціальной вѣрности христіанскому знамени,—есть ложь и лицемѣріе, вредныя для народной нравственности, и потому неспособныя даже дать на практикѣ никакихъ прочно полезныхъ результатовъ. Можно допустить евреевъ въ разныя должности, но не въ тѣ должности, гдѣ власти ихъ подчиняется быть христіанъ, гдѣ они могутъ имѣть вредное вліяніе на администрацію и законодательство христіанской страны (*)". При прежнемъ канцелярскомъ порядкѣ судопроизводства евреи могли быть еще судьями, не оскорбляя предубѣжденныхъ противъ нихъ православныхъ, но при новомъ порядкѣ едва ли нашъ православный простолюдинъ не будетъ глубоко оскорбленъ—необходимостію искать суда и расправы у еврея-судьи.

Между тѣмъ „у насъ не сознанная потребность факта вызываетъ отвлеченное понятіе, а послѣднее принимается за необходимость въ его общемъ значеніи, и потомъ уже мы ищемъ факта... Отъ этого у насъ шаткость въ сужденіяхъ, нетвердость въ приговорахъ, несообразность слова съ дѣломъ!" Наша свѣтская литература, выходя изъ общаго понятія о равноправности человѣка, изъ сантиментальнаго сочувствія угнетеннымъ евреямъ, восторженно сперва привѣтствовала новое положеніе, дарующее евреямъ льготы, а потомъ, когда Основа и День отнеслись къ этому дѣлу съ практическимъ знакомствомъ съ евреями, послышался страшный взрывъ негодованія во многихъ преимущественно петербургскихъ журналахъ, служащихъ по прогрессивной и либеральной части. Одна газета зашла наконецъ такъ далеко, что утверждала, будто для исправленія правосудія въ Россіи необходимо допустить въ личный составъ судовъ—нѣмецкихъ евреевъ. Подобныя литературныя явленія прибавляютъ еще одно до-

(*) День № 19 стр. 3.

казательство въ пользу той истины, что наше образованное общество не только въ области мысли, но и въ области чувства, любви, состраданія, не умѣетъ быть самостоятельнымъ и платитъ дань подражательности западной Европѣ. Дѣло въ томъ, что еврейскій вопросъ имѣетъ извѣстность европейскую; французы, нѣмцы, англичане дали ему самое либеральное разрѣшеніе... Значитъ и намъ можно тутъ полиберальничать безопасно и въ собственномъ сердцѣ почувствовать себя передовымъ человѣкомъ!.. На этотъ разъ мы несравненно больше уважаемъ то знакомство съ бытомъ евреевъ малороссійскихъ, съ ихъ отношеніями къ малороссійскому населенію, которое заставило г. Костомарова высказать нѣсколько горькихъ истинъ и основательныхъ опасеній за іудеевъ, и то знаніе еврейскаго Талмуда, которое дало г. Александрову силу и мужество возстать на современное убѣжденіе въ способности евреевъ въ настоящее время быть равноправными гражданами въ любомъ христіанскомъ обществѣ. Самыя замѣчательныя строки изъ сихъ статей мы считаемъ полезнымъ привести для своихъ читателей. „Утверждать, что христіанство и Моисеевъ законъ одинаково основаны на 10-ти заповѣдяхъ, и что затѣмъ нѣтъ никакого препятствія еврею исполнять у насъ служебную обязанность точно также хорошо, какъ и христіанину, значитъ разомъ вычеркивать изъ исторіи человѣчества всѣ осмнадцать вѣковъ христіанства!.. Для чего же послѣ этото намъ и называть себя христіанами, коли мы въ сущности своей, въ основѣ, ничѣмъ не отличаемся отъ іудействующихъ, не признаемъ за собою никакого дальнѣйшаго успѣха въ развитіи нашей гражданственности... Іудаизмъ можетъ быть понятъ и раскрытъ только въ Талмудѣ, въ немъ воплотился нынѣ весь духъ еврейскаго народа, въ немъ вся тайна и разгадка тѣхъ непонятныхъ и грустныхъ явленій, изъ которыхъ сложились бытъ и исторія этого народа. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ становится Талмудъ и его послѣдователи въ отношеніи къ христіанству, я приведу нѣсколько извлеченій, взятыхъ цѣликомъ

изъ Талмуда и другихъ книгъ, составляющихъ одно съ нимъ цѣлое... Вотъ чему учитъ нынѣшній Талмудъ и библія, толкованная раввинами въ духѣ его. Человѣкомъ не признается никто другой, кромѣ іудея, ибо одни іудеи произошли отъ перваго человѣка, а всѣ прочіе народы отъ нечистаго духа. Они одни происходятъ отъ Адама, Авеля, Авраама и Моисея, а всѣ прочіе народы и въ особенности христіане, отъ діавола, Каина, Исава и Іисуса Христа. Они единый народъ пріятный Богу, Который избралъ его своимъ народомъ и поставилъ его владыкой надъ всѣми прочими.—Всякое зло, запрещаемое закономъ іудейскимъ противъ брата, противъ ближняго своего, запрещено только относительно самихъ іудеевъ; ибо не-іудей не есть для нихъ ни братъ, ни ближній, ни товарищъ; онъ не достоинъ никакого снисхожденія и никакого милосердія.—Всякій подкупъ, неправедная мзда и лицемѣріе дозволяется іудеями относительно христіанъ.... Человѣку праведному (іудею) дозволяется обманывать: съ невинными будь невиненъ, съ нечестивымъ (христіаниномъ) будь нечестивъ.... Іудей можетъ красть у христіанина. Свидѣтельство не-іудея да отвергнется безъ исключенія. Законъ іудейскій запрещаетъ іудеямъ освободить не-іудея отъ какой бы то ни было опасности, которой подвергается жизнь его, ибо сказано въ Талмудѣ: запрещается спасать отъ смерти *акума* или не-іудея, ибо спасти его—значитъ увеличить число ихъ; ктому же сказано: да не помилуеши ихъ.—Убивайте праведнѣйшаго изъ язычниковъ или не-іудеевъ: онъ повиненъ смерти уже тѣмъ однимъ, что не-іудей, и потому самому не можетъ быть чѣмъ либо годнымъ. Отрицающій ученіе іудейское долженъ быть названъ еретикомъ, и законъ повелѣваетъ его ненавидѣть и губить. Чтобы судить вѣрнѣе о евреяхъ и о томъ, въ какой мѣрѣ они способны къ равноправности съ христіанами, для этого надобно знать Талмудъ; тогда мы не будемъ болѣе ходить во тьмѣ и филантропическія движенія наши будутъ болѣе сообразны съ желанной цѣлію. А то много у насъ хорошихъ стремленій, много сознанія то-

го, чему бы слѣдовало быть, но нѣтъ у насъ того *знанія дѣла*, безъ котораго мы будемъ постоянно увлекаться, либеральничать, кидаться опрометью за идеями вѣка, не чуя земли подъ собою, не отдавъ себѣ напередъ отчета: куда идемъ, чего хотимъ" (*). Тоже самое, что г. Александровъ говоритъ о теоретическихъ взглядахъ евреевъ, вѣрующихъ вь Талмудъ, г. Костомаровъ утверждаетъ относительно ихъ историческаго поведенія въ Малороссіи и относительно ихъ современнаго состоянія тамъ. „Въ нашей родинѣ (т. е. въ Малороссіи), пишетъ Костомаровъ, іудеи дѣйствовали съ такимъ же тактомъ, какъ и вездѣ, и если они здѣсь испомѣстились особеннымъ образомъ, то это зависѣло отъ тѣхъ сторонъ, которыми они воспользовались, найдя ихъ въ землѣ нашей. Слабѣйшая сторона нашего общества въ эпоху соединенія нашего съ Польшею, состояла въ разрывѣ между панствомъ и народомъ. Іудеи ударили прямо въ эту сторону. Способствуя порабощенію и униженію народа, они въ тоже время обращали въ свою пользу значительную выгоду, какую получало панство, мазали пановъ по тѣлу собственнымъ ихъ саломъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ старыхъ лѣтописцевъ. Порабощенное состояніе земледѣльцевъ, продолжившееся и впослѣдствіи, причина, поводъ, что іудеи продолжали держать въ рукахъ промышленность и торговлю, лелѣяли барскую лѣнь сильнаго пана и апатичную лѣнь забитаго мужика. Они не питали симпатіи ни къ тому, ни къ другому, а пользовались только извѣстнымъ ихъ положеніемъ. Нравственные интересы края существуютъ для нихъ только по отношенію къ себѣ. Столкнулся ли іудей съ человѣкомъ нравственнымъ, котораго ни какъ нельзя искусить на худое,—онъ пользуется, на сколько можетъ, тѣмъ отношеніемъ, въ какое съ нимъ поставленъ; онъ даже можетъ его побудить на какое нибудь доброе дѣло, но имѣетъ въ виду только то, что ему перепадетъ изъ этого добраго дѣла; но если передъ нимъ субъектъ безнравственный.

(*) День № 25.

онъ также станетъ потворствовать его дурнымъ побужденіямъ, чтобы воспользоваться ими. Жившіе въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ знаютъ, какъ часто іудеи развиваютъ у поселянъ склонность къ пьянству, охотно даютъ ему на *боргъ* водки, чтобы потомъ запутать, раззорить, чтобы все достояніе пьяницы перешло въ ихъ шинки, какъ побуждаютъ поселянъ на воровство и принимаютъ краденыя вещи, какъ услуживаютъ разврату и соблазняютъ женщинъ, какъ умѣютъ извинить всевозможныя страсти, чтобы довести человѣка до положенія, выгоднаго для себя, хотя бы окончательно разрушительнаго для него. Это дѣлается однако не по какому либо глубоко безнравственному побужденію, не по склонности къ злу, а по холодности и безучастію къ міру, стоящему за предѣлами іудейства. Іудей рѣдко будетъ сознательно дѣлать зло, какъ и добро; онъ посторонній причинамъ, управляющимъ тѣмъ, что вокругъ него происходитъ; ему посторонни и свѣтлыя и темныя жизненныя явленія: его дѣло пользоваться ими, когда случай представляется, когда они сами, такъ сказать, напрашиваются быть ему полезными" (*). Іудей для украинца не милъ потому, что онъ считаетъ еврея способнымъ его обмануть, воспользоваться его стѣсненнымъ положеніемъ для своихъ выгодъ, прижать его, если будетъ случай. Въ іудействѣ вообще для южноруссa есть что-то, если не враждебное, не постоянно тяготящее, то холодное, безчувственное къ его состоянію, прозябающее въ его средѣ только для себя, проходящее по одной съ нимъ жизненной дорогѣ, но къ другимъ цѣлямъ. Онъ знаетъ, что іудей всегда ему посторонній; высѣчетъ ли его экономъ—іудей не почтитъ сочувствіемъ его ранъ; возмутъ ли у него дочь на растлѣніе,—іудей посмѣется надъ его горемъ, а можетъ быть и самъ поможетъ его совершенію; повезутъ ли сына его въ рекруты,—іудей не раздѣлитъ съ нимъ семейнаго горя; неурожай ли у него, пожаръ ли,—іудей не пожалѣетъ объ этомъ, если не увидитъ, что бѣдствія эти простираются на него самаго. Нѣтъ у него съ іудеемъ ни дружеской бесѣды, ни общей трапезы; по-

селянинъ обращается къ нему только тогда, когда есть нужда и притомъ зная, что іудей будетъ наблюдать одну свою пользу.... Признаемся, намъ не случалось видѣть, чтобы русскій сошелся и подружился съ евреемъ; это трудно видѣть даже между образованными людьми обѣихъ націй. Въ іудеѣ, развитомъ человѣкѣ, нерѣдко русскій встрѣчаетъ какую то холодность, сухость, безсердечность: такъ и видно, что за предѣлами его іудейства для него хоть волкъ траву ѣшь (*). Евреи по своей религіи, по своимъ вѣрованіямъ и надеждамъ неизбѣжно должны стоять особнякомъ отъ той страны, гдѣ проживаютъ: иначе они будутъ перероdки. а не евреи" (**).

Сравнивая эти трезвыя и правдивыя сужденія *Дня* и *Основы*, гг. Александрова и Костомарова съ риторическими и сантиментальными возгласами другихъ журналовъ и писателей въ пользу евреевъ, мы приходимь къ тому заключенію, что въ нашъ положительный, реальный вѣкъ хоть и вооружаются противъ схоластики въ пользу индукціи, противъ отвлеченностей и общихъ правилъ въ пользу изученія частныхъ фактовъ, но методъ индуктивный какъ-то особенно рѣдко прилагается къ дѣлу самыми восторженнымп почитателями философіи Бэкона. Унасъ все почти выводится не изъ частныхъ фактовъ, а изъ общихъ положеній, реформы требуются и предлагаются не въ слѣдствіе знанія частныхъ сторонъ преобразуемаго дѣла, а какъ слѣдств е той или другой общей истины. Выходя напр. изъ идеи равенства всѣхъ людей и равноправности всѣхъ гражданъ, можно, конечно, требовать полнаго сравненія евреевъ съ христіанами въ гражданскихъ правахъ; но это будетъ заключеніе чистой математики,—вѣрное само въ себѣ, но, какъ многіе вѣрные выводы, долженствующее измѣниться въ приложеніи въ дѣлу. Іудеи, какъ люди, конечно, равны русскимъ: но что, если сами іудеи считаютъ

(*) *Основа*. 1862 г. № 1. Статья: *объ Іудеяхъ;* стр, 47, 48.
(**) *Основа*. Тамъ же, стр. 45.
(***) Тамъ же; стр. 57.

себя не равными, а высшими русскихъ, высшими всѣхъ колѣнъ и племенъ земныхъ, предназначенными не къ равенству, а къ господству надъ другими народами? Іудеи народъ умный и способный, слѣдовательно глупо было бы не пользоваться государству ихъ гражданскими услугами: но что́, если они всякую страну, всякій народъ, среди котораго живутъ, считаютъ чуждыми для себя, что́, если они по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ считаютъ для себя справедливымъ обмануть, притѣснить, наконецъ произвести несправедливый приговоръ надъ христіаниномъ? Іезуиты, говорятъ, народъ умный и очень ловкій: но вѣрно всякій прогрессистъ и всякій любящій свое отечество русскій не хотѣлъ бы, чтобы они сдѣлались нашими администраторами, судьями и начальниками. Мясная пища питательнѣе растительной: но слѣдуетъ ли отсюда, что для того, чтобы лошадь везла лучше, корова давала больше молока, ихъ слѣдуетъ кормить мясомъ? Что ожидаетъ русскихъ евреевъ въ будущемъ? „Что если наше цивилизованное общество, послѣ многотрудной борьбы съ своими недостатками и страстями, кидаясь то въ ту то въ другую сторону, доходя почти до отчаянія и потерявъ вѣру въ свою нравственную мощь, обратится къ этому нѣкогда отверженному народу и призоветъ его, какъ нѣкогда наши предки варяговъ, устроить у себя нарядъ?“ (*) Мы не желаемъ этому вѣрить, хотя восторженные возгласы въ пользу евреевъ въ нашихъ журналахъ нѣсколько оправдываютъ это странное описаніе г. Костомарова.

(Христ. чт)

(*) Слова изъ той же статьи Кастомарова; стр. 47.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Молитвенное воспоминаніе о покойномъ князѣ И. И. Васильчиковѣ—въ уѣздахъ кіевской губерніи.

Не вдали отъ м. Бѣлой церкви образовалась Островская волость, въ которой, кажется, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, можно замѣчать сознанія и сочувствія къ текущимъ дѣламъ, болѣе или менѣе касающимся быта крестьянъ. Желающіе могутъ справиться въ нашихъ же „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", какими добрыми благородными чувствами отозвались, принадлежащіе къ этой же волости, крестьяне села Бирюковъ, по случаю объявленія имъ Монаршей воли объ освобожденіи крестьянъ. Въ текущемъ году, въ день тезоименитства Государя Императора, прихожане Бирюковскаго прихода просили своего священника Г. К. отслужить, кромѣ обыкновеннаго Царскаго молебна, еще особенный молебенъ о здравіи и благоденствіи Августѣйшаго Монарха—освободителя и всего царствующаго Дома. Въ этой же волости, въ селѣ Бирюкахъ и с. Островѣ почти уже устроены очень удобныя помѣщенія для сельскихъ училищъ. Въ слѣдующемъ году, рѣшено на сходкѣ, приступить къ перестройкѣ церкви въ с. Островѣ и къ поправкѣ въ с. Бирюкахъ на счетъ общества. Когда то, также на сходкѣ порѣшили здѣсь, брать денежный штрафъ съ тѣхъ крестьянъ волости, которые будутъ замѣчены въ пьянствѣ и которые будутъ долго засиживаться въ шинкѣ. Вообще, въ этой волости замѣтна особенная энергическая дѣятельность въ дѣлѣ благоустройства. Кажется, что этимъ волость много обязана своему волостному старшинѣ, крестьянину Василію Блажну, который, не смотря на прежнюю

неблагопріятную обстановку крестьянъ, успѣлъ на столько образоваться, что едва ли во всемъ нашемъ околоткѣ найдется старшина, подобный ему, по образованію и по вліянію на крестьянъ. Имѣя возможность кое-что читать и вычитывать, онъ все интересное передаетъ и всему обществу, и не безъ пользы. Намъ передавали, что онъ читалъ и много говорилъ съ своимъ обществомъ о неблаговременности ярмарковъ, особенно въ нашемъ краѣ, въ воскресные и праздничные дни, и нашелъ большое сочувствіе, которое, быть можетъ, уже заявлено и на бумагѣ. Недавно, узнавши о кончинѣ добраго начальника нашего края, генералъ-губернатора, князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, старшина сообщилъ объ этомъ печальномъ случаѣ и обществу на сходкѣ; тутъ всѣ единодушно порѣшили, по его предложенію, почтить память покойнаго начальника церковною заупокойною панихидою. Вслѣдствіе этого, волостное правленіе отнеслось къ священникамъ двухъ приходовъ, находящихся въ этой волости, къ о. А. Б. и о. Г. К. съ просьбою отслужить 18 ноября, въ воскресенье, послѣ обѣдни, панихиды объ упокоеніи души въ Бозѣ почившаго князя Иларіона. Съ скорбными молитвенными чувствами слушали это заупокойное моленіе присутствовавшіе во храмѣ. „Вічний іому покой, царство небесне“: говорили они, выходя изъ храма.

И мы въ заключеніе скажемъ: вѣчный покой, царствіе небесное почившему начальнику нашего края, дожившему до нашего счастливаго времени, когда Господь и изъ устъ меньшихъ нашихъ братій совершаетъ добровольную хвалу и себѣ и достойнымъ людямъ.

— Подобное извѣстіе сообщено намъ и изъ м. Дашева, липовецкаго уѣзда, священникомъ о. Августиномъ Левитскимъ: По полученіи извѣстія, что Господу Богу было угодно призвать отъ сей жизни князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, мѣстнымъ помѣщикомъ графомъ Владиміромъ Потоцкимъ предложено было о. Августину въ приходской церкви отслужить литургію и панихиду за упокой души усопшаго князя. Въ назначенный для сего день—

19 ноября, въ Ново-Дашевскую церковь прибыли, для участія въ панихидѣ, по приглашенію графа, священники: Стародашевской церкви о. Лука Кисилѣвичъ и Купчинецкой—о. Павелъ Стефановскій. Во храмѣ, кромѣ графа, находились въ значительномъ количествѣ крестьяне Стараго Дашева и Новаго Дашева съ членами Дашевскаго волостнаго правленія; не мало было также лицъ римско-католическаго исповѣданія и одно лице лютеранскаго исповѣданія, иностранецъ, испытавшій лично на себѣ правдолюбіе и безпристрастіе покойнаго князя. Предъ началомъ панихиды о. Августиномъ Левитскимъ сказана была слѣдующая краткая рѣчь:

Не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что. 1. Царс. 12, 4.

Когда Самуилъ, въ преклонной старости слагая съ себя власть народнаго судіи, повергалъ на судъ всѣхъ израильтянъ свои дѣйствія по обязанности общественнаго начальника, не нашлось во Израилѣ ни одного человѣка, который могъ бы укорить его въ злоупотребленіи властію. Вотъ каковъ былъ общій голосъ многихъ тысячей народа къ Самуилу: ***Не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что.***

Не много найдется нынѣ подобныхъ мужей, которые, бывъ облечены властію, могли бы услышать такое свидѣтельство о своей служебной начальственной дѣятельности. А между тѣмъ не повторился ли бы тотъ же самый голосъ и теперь, еслибы кто нибудь спросилъ насъ о дѣяніяхъ высокаго сановника, которому отъ Бога и Монарха вручена была власть надъ цѣлымъ краемъ нашимъ? Я говорю здѣсь о въ Бозѣ почившемъ князѣ Иларіонѣ Иларіоновичѣ Васильчиковѣ, котораго память почтить собрались мы не по инымъ побужденіямъ, а только по любви признательной и уваженію къ нему за его многолѣтнюю благотворную среди насъ дѣятельность. Всѣмъ намъ из-

вѣстны: его милосердіе къ бѣднымъ, защита и покровительство невинныхъ, благоснисходительное вниманіе къ лицамъ всѣхъ званій, нелицепріятіе и правда его суда. Чѣмъ же инымъ можемъ возблагодарить его за всѣ труды поднятые имъ для нашего блага, какъ не усердною молитвою о мирѣ и упокоеніи его души, которая перешла отъ насъ къ престолу правды Божіей. Аминь.

— *Освященіе дома Кримчанскаго волостнаго управленія кіевской епархіи, звенигородскаго уѣзда.*

Послѣ обнародованія воли Государя Императора объ освобожденіи крестьянскаго быта, пишетъ священникъ с. Крымокъ, я всегда слыхалъ выраженія сердечной преданности и благодарности моихъ прихожанъ къ Августѣйшему Монарху! 11-го числа мѣсяца ноября сего 1862 года, прихожане мои и другихъ селъ временно-обязанные крестьяне, составляющіе Кримчанскую волость, выразили вполнѣ свои благодарныя чувства къ Государю Императору за дарованную свободу, заповѣдуя дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ въ родъ и родъ молиться о благоденствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшаго Дома.

Ради сего собравшись изъ трехъ селеній: Кримокъ, Водяной и Скотаревой, они просили освятить домъ сооруженный для волостнаго Управленія, къ чему приглашенъ былъ мѣстный благочинный священникъ Іоаннъ Стасиневичъ и мѣстный священникъ. Послѣднимъ совершена была въ приходской церкви божественная литургія, при коей присутствовали гг. мировый посредникъ 1-го участка Пржедпельскій, помѣщикъ кримчанскій, уѣздный судья Балѣвичъ, арендный владѣлецъ с. Кримокъ Подоскій, судебный слѣдователь Чоповскій и другія лица благороднаго сословія, также волостный старшина съ писаремъ, сельскими старостами и созванными съ трехъ обществъ выборными. По совершеніи божественной литургіи духовенство торжественно съ крестами, хоругвями, св. евангеліемъ и св. иконами отправилось въ домъ, приготовленный для волостнаго управленія; шествіе совершилось, при пѣніи „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“..! По вхо

дѣ въ домъ, совершено освященіе воды, потомъ освященіе дома, за тѣмъ благодарственный молебенъ Господу Богу о здравіи и благоденствіи Государя Императора, и всего Августѣйшаго Дома. Послѣ пѣсни: „Тебе Бога хвалимъ..“, провозглашена „вѣчная память“ въ Бозѣ почившимъ православнымъ Государямъ Александру 1-му и Николаю 1-му, за симъ многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Августѣйшему Дому, Святѣйшему Сүноду, высокопреосвященному Арсенію, Митрополиту Кіевскому и Галицкому и всѣмъ присутствовавшимъ. За симъ волостный старшина Гавріилъ Перегонъ, какъ хозяинъ и распорядитель отъ всего общества обратясь къ иконѣ Спасителя и перекрестясь произнесъ: „Благодаримъ много-„милосердному Господу Богу за Его небесную милость на „насъ грѣшныхъ и недостойныхъ; благодаримъ милости-„ваго Государя Императора за дарованную намъ свободу; „благодаримъ нашихъ добрыхъ панивъ за ихъ ласку“. Потомъ, обратясь къ мировому посреднику, благодарилъ за благодѣтельное распоряженіе начальства. Мировый посредникъ изъявилъ обществамъ благодарность за мирное житье и исполненіе законныхъ постановленій. Помѣщики благодарили своихъ бывшихъ крестьянъ за долговременный бытъ ихъ въ крестьянствѣ.

По распоряженію волостнаго старшины Гавріила Перегона приготовленъ былъ общій столъ для духовенства, чиновниковъ и владѣльцевъ въ волостномъ управленіи, а для собравшихся обществъ въ общественной школѣ. Первый заздравный тостъ былъ произнесенъ за Государя Императора, Государыню Императрицу и весь Августѣйшій Домъ. Второй тостъ за Святѣйшій Сүнодъ и высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго; третій тостъ за всѣхъ присутствовавшихъ.

По окончаніи обѣда при радостномъ возгласѣ ура, временно-обязанные крестьяне всѣхъ обществъ, на рукахъ поднесли мироваго посредника и судью помѣщика Балевича. Г. Балевичъ, благодаря общество, сказалъ: „На память о семъ радостномъ днѣ я жертвую ежегодно 50 руб-

лей серебромъ на приходскую церковную школу". Кромѣ сего онъ и жена его пожертвовали для сей же школы домъ, стоющій болѣе 100 рублей серебромъ. Г. Подосскій единовременно пожертвовалъ 25 р. серебромъ, которые тогда же и получены. Прихожане Кримчанскіе на сей годъ для школы пожертвовали 30 р. сер., а на слѣдующіе годы, по мѣрѣ возможности, принесутъ пожертвованія. Въ продолженіи дня толпы народа единились съ начальствомъ, духовными особами и владѣльцами и вездѣ слышны были увѣренія жить мирно, другъ другу пособлять въ необходимости, уважать начальство гражданское и духовное, быть во всегдашнемъ повиновеніи законамъ и молиться Господу Богу о здравіи и благоденствіи Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Августѣйшаго Дома, изъ рода въ родъ. Св. *І. Горянскій.*

— *Можно-ли брать при оспопрививаніи матерію съ дѣтей еврейскихъ и прививать къ дѣтямъ христіанъ?*

Переданная изъ совѣта Императорскаго вольнаго экономическаго общества на заключеніе медицинскаго комитета, записка корреспондента общества, священника В. Антонова, была разсмотрена въ засѣданіи комитета, 23 прошлаго октября, изъ которой, между прочимъ видно, что между предметами, о коихъ судили на мировомъ съѣздѣ, 3 іюня сего 1862 г. въ г. В.. болѣе другихъ важнымъ, а особенно новымъ былъ вопросъ волостнаго старшины Р. общества: можно ли при оспопрививаніи брать матерію съ дѣтей еврейскихъ и прививать къ дѣтямъ—христіанамъ и на оборотъ?

Старшина съ этимъ вопросомъ входилъ рапортомъ въ оспенный комитетъ, препроводившій рапортъ старшины въ подлиникѣ на заключеніе мироваго съѣзда. — Самыйже вопросъ, какъ объясняетъ старшина въ рапортѣ своемъ, родился вслѣдствіе замѣченнаго имъ волненія въ народѣ и сопротивленія въ матеряхъ—крестьянкахъ: когда фельдшеръ—еврей прививалъ оспу дѣтямъ мѣстечка Р., и ког-

да бралъ матерію для того съ дѣтей еврейскихъ, то матери дѣтей христіанъ уносили и прятали ихъ.

Комитетъ находитъ, что вопросъ о перенесеніи оспенной матеріи съ еврейскихъ дѣтей на дѣтей христіанъ долженъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: со стороны религіозной, перенесеніе оспы съ младенца іудейскаго вѣроисповѣданія на младенца христіанскаго не можетъ встрѣтить никакого препятствія кромѣ закоренѣлыхъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ евреевъ. Со стороны-же медицинской, принимая во вниманіе нечистоту и не опрятность евреевъ, распространеніе между ними накожныхъ болѣзней: чесотки, паршей и худосочное состояніе ихъ дѣтей, развивающее въ нихъ золотуху, колтунъ, цынгу и другія болѣзни, снятіе оспенной матеріи съ еврейскихъ дѣтей надобно допускать съ большою осторожностію, обращая вниманіе оспопрививателей, чтобы отнюдь не снимали матеріи съ еврейскихъ дѣтей худосочныхъ и одержимыхъ заразительными сыпями.

(Экон. Зап.)

— *Замѣтка.* Помѣщая на страницахъ своего изданія (1 отд. стр. 15) постановленіе крестьянскаго присутствія, состоявшееся 4 декабря 1862 г., не можемъ не пожалѣть, что присутствіе не пояснило въ немъ, что̀ другое, кромѣ пользы народа, могло имѣть духовенство при учрежденіи школъ, чѣмъ и кѣмъ доказаны мѣры принужденія, будто употребляемыя духовенствомъ при отобраніи приговоровъ и на какіе именно случаи намекаетъ совѣтъ его о кроткомъ обращеніи съ дѣтьми. Не объясняетъ ли всего тотъ фактъ, что нѣкоторые мировые посредники нынѣ дѣлаютъ всевозможныя затрудненія церковно-приходскимъ школамъ?

Печатать дозволяется. Кіевъ. 13 Января 1862 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*.

Въ Университетской типографіи.